

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации Кузнецовой Светланы Сергеевны «**Вербализация чувственного восприятия как отражение перцептивной картины мира диалектной языковой личности**», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности
10.02.01 – русский язык

г. Омск

31 августа

2015г.

Экземпляр 1

Интерес лингвистов к изучению феномена языковой личности не снижается несмотря на то, что научная литература по этой проблематике достаточно обширна и в настоящее время интенсивно пополняется, выделилась даже целая отрасль языкознания – лингвоперсонология. С нашей точки зрения, исследование С.С.Кузнецовой, посвящённое изучению номинативных процессов восприятия в идиолекте носителя народной речевой культуры, удачно сочетает в себе достижения разных лингвистических направлений: системно-структурного, семантико-когнитивного, стилистического. Кроме того, работа С.С. Кузнецовой достойно продолжает традиции Томской лингвистической школы, в рамках которой в разных аспектах исследуется феномен диалектной языковой личности.

По нашему убеждению, актуальность диссертационного сочинения поддерживается безусловным вкладом автора в междисциплинарные исследования человека и общества и проблем восприятия. В исследованиях последних лет проблема восприятия (чаще на уровне лексики или синтаксиса) разрабатывается настолько активно, что, как справедливо отмечает диссертант, "учёные в начале XXI века заговорили об особой отрасли науки о языке" (с.4) – лингвосенсорике или лингвистической перцептологии. Диссертация С.С. Кузнецовой имеет и собственное обоснование **актуальности**. Проблема восприятия в работе изучается с учётом разных подходов, актуальных в современном отечественном языкознании, – семантического, когнитивного, дискурсивного. При этом перцептивная лексика справедливо рассматривается как значимый фрагмент лексикона диалектоносителя (с.9) и, следует доба-

вить, значимый фрагмент в целом языковой картины мира конкретной языковой личности – сибирской крестьянки В.П. Вершининой. Без сомнения, привлекателен для изучения рядовой носитель языка как носитель национальной ментальности, а не модель или "коллективная языковая личность". Поэтому из тех факторов актуальности, которые определяются как аспекты "неизученности", выделим "лингвоперсонологический" аспект, которому в диссертации уделено особое внимание.

Проблематика диссертации шире, чем можно предполагать исходя из её названия, поскольку не только вносит вклад в изучение языковой личности в заданном аспекте, но и имеет выход в исследование особенностей народной ментальности.

Успешно реализовано обоснованное в теоретической главе совмещение ряда методик анализа (традиционные методы семантического поля и компонентного анализа, когнитивный анализ, дискурс-анализ [1.1.3, 1.2.]), направленное на реконструкцию перцептивной картины мира диалектной языковой личности – носителя традиционной речевой культуры. Новизна работы обеспечивается прежде всего её основательной фактографической базой – в научный оборот введён новый материал устной, спонтанной речи. Кроме того, новизна детерминируется и аналитической составляющей, которая заключается в следующем: 1) выявлено и представлено целостное описание перцептивных единиц конкретного рядового носителя языка, что само по себе ценно; 2) через анализ семантического поля (ядро – периферия) и дискурс-анализ продемонстрирована методика реконструкции фрагмента диалектной картины мира (замечу, именно дискурсивный аспект анализа определяет отбор речевого материала); 3) системно описаны номинации модальностей восприятия диалектоносителя; 4) выявлена специфика перцептивной картины мира носителя традиционной речевой культуры и народной ментальности.

Все сказанное выше обосновывает **научную новизну** проведенного С.С. Кузнецовой исследования.

Не вызывает сомнения **теоретическая значимость** работы.

Выявленные в ходе исследования особенности перцептивной картины мира позволяют не только сделать выводы о полифункциональности перцептивных единиц в речи диалектоносителя, но и утверждать их значимость в мироотражении носителя народной речевой культуры. Последнее, полагаем, особо важно и актуально при выявлении специфики народной "речемысли" (А.А. Потебня) и национальной ментальности в целом. Безусловно, это вклад в теорию и практику лингвокогнитологических исследований последних десятилетий. Подчеркнём, что предложенная комплексная методика тщательно проработана на процедурном уровне, оснащена необходимым понятийно-терминологическим аппаратом и реализована в текстовом и графических вариантах (информативны и самоценны Приложения, особенно приложение Б, подтверждающее рассуждения автора о выделенных элементах перцептивной картины мира, об особой "иерархии" перцептивов в картине мира диалектоносителя). Поле использования результатов диссертации может варьироваться от сопоставительного описания процессов восприятия у разных диалектоносителей и других типов языковых личностей до наблюдений в сфере взаимодействия этого фрагмента картины мира с другими компонентами наивной картины мира и лексикографирования результатов таких исследований. Выводы, сделанные автором, значимы для исследований диалектной лексикологии, лингвоперсонологии и, как представляется, для концептологии, в той её части, которая связана с поисками основ и специфики национальной ментальности, явленной сегодня прежде всего в народной речемысли.

Практическая значимость работы С.С. Кузнецвой относится к сфере вузовского образования и реализации лексикографических проектов идеографической направленности Томской лингвистической школы. Материалы диссертации могут быть востребованы в преподавании курсов диалектологии, лексикологии, при разработке специальных курсов в рамках программ

бакалавриата и магистратуры по направлениям «филология» и «культурология».

Перейдем к оценке **обоснованности научных положений и выводов**, сделанных в диссертации.

Доказательство *Положения 1* о реконструкции перцептивной картины мира с учётом устройства семантического поля «Восприятие», коннотативных компонентов в семантике его единиц и дискурсивной практики их употребления носителем языка представлены во всех исследовательских главах. В 2-ой, 3-ей, 4-ой главах системно проанализированы: (1) номинации зрительного восприятия; (2) номинации слухового восприятия; (3) обозначения температурных ощущений; номинации процесса тактильного восприятия (обозначения твёрдости/мягкости, плотности, консистенции др.); (4) номинации вкусового восприятия; (5) обозначения запаха. В 4-ой главе (4.5.) сопоставлены номинации разных типов восприятия и продемонстрированы сферы взаимодействия разных модальностей восприятия в дискурсивной практике информанта. Считаю, что именно такой аспект анализа (с учётом диалектного дискурса) позволяет выявить специфику народного мировосприятия и мироотражения.

Сделано множество интереснейших наблюдений над функционированием ядерных глаголов *видеть*, *видать* и их исторически сложившейся семантической доминанте, сближающей их с глаголом *знать* (см., например с. 54-55). Выявлены различные со-значения перцептивных лексем в разных контекстах и разных ситуациях общения (с.55. Прокомментирована связь процессов зрительного восприятия и мышления: *смотреть*, *глядеть* и *думать*). Можно лишь добавить к выводу диссертанта следующее: для информанта в диалогическом общении не коммуникативный аспект речи оказывается важным (не передача информации), а речемыслительный, когнитивный. Подобное соположение предикатов и выявляет исторически сложившиеся со-значения базовых глаголов, которые в древности были синкретичны и на протяжении истории "прирастали" семантически.

Сильной стороной анализа является лингвокультурологический аспект (так, объясняются различия в функционировании лексем, номинирующих масти лошадей в разных контекстах на с. 73; расширение микрополя цветообозначения за счёт прилагательного *седой* 'серый' в тексте о котятках; наличие прагматического компонента наряду с эстетическим как особенность диалектного мировосприятия в области цвета в сравнении с "художественным" мировидением на с. 82 и т.д.). Все остальные выводы относительно ядерно-периферийной структуры семантических полей, репрезентирующих перцептивную картину мира информанта, вытекают из индуктивных рассуждений с достаточной аргументацией.

Положение 2 (об оценочной составляющей в перцептивной картине мира диалектоносителя) и *Положение 3* (об образной составляющей в перцептивной картине мира диалектоносителя) доказаны на том же материале путем последовательной фиксации наличия либо отсутствия того или иного компонента оценки, а также количественного анализа полученных результатов (с. 41, 42, 44, 45, 48, 61, 102, 115, 133 и др., а также приложение Б). Суждение о том, что во всех типах модальностей преобладает прагматический критерий оценки, а объекты зрительного и слухового восприятия часто получают эстетическую оценку, следует из общей достоверной посылки. Последнее коррелирует с исследованиями историков языка и русских философов, утверждающих, что для народного понимания характерно представление красоты как пользы, "красота важнее пользы, поскольку польза – один из компонентов красоты" (В.В. Колесов "Язык и ментальность", СПб., 2004). Отметим убедительность промежуточных выводов, например, о сохранении в языковом сознании диалектоносителя древних обозначений предметов округлой формы через круг (*кругленький, круглый, как шариками*); о номинациях размера как особо значимой аксиологической составляющей картины мира диалектоносителя и преобладании стратегии преувеличения при оценке размера; о конкретности и образности как типичных чертах носителя традиционной языковой культуры; о символической семантике номинаций звуков; о поляр-

ных оценках единиц в поле температурных наименований; об амбивалентности оценки сладкого вкуса (["... о вкусе ягод, фруктов, конфет и т.п."] *Ага, сладки они. Ага. Они, я ела, штук пять съела – таки сладки-сладки, хороши!; И жрать только любит сладко, а срать гладко и Сладко оно [тесто] маленько, сластит. А я уже сластит не люблю*, с. 159); о маркированности негативной оценки на фоне общепринятой нормы на с. 50, 77, 79, 82, 85-89, 96-99; 129, 131-133, 141, 159, 168 и др.).

В основе вывода, сформулированного как *Положение 4* ("Перцептивная картина мира диалектоносителя отличается приблизительностью, огрубленностью"), лежит анализ номинаций размера (с.100). Автор показывает преобладание общих обозначений (*большой, маленький*) и интерпретирует это (вслед за исследователем народно-разговорной речи г. Омска О.Г.Лещинской, 2008) как тенденцию, характерную для бытовой коммуникации. О "приблизительности" этого фрагмента восприятия предметов могут свидетельствовать и невербальные средства выражения размера и цвета, тактильных номинаций, особенно их оценка (с. 77, 106, 109, 148 и др.). В то же время утверждение диссертанта о том, что "обозначения разных модальностей восприятия редко сочетаются друг с другом в текстах диалектной языковой личности" не всегда согласуется с подробным анализом некоторых групп перцептивов и выводами (например, *о форме и размере, о недифференцированном восприятии сладкого вкуса, о сближении глаголов зрения и слуха, зрения и обоняния* и др.), представленными на с. 107, 168-171 и в параграфе 4.5. Полагаем, что утверждение, сделанное на основе этого вывода о том, что "связи между ними [прим. наше - *модальностями*] слабо осознаются, для информанта каждый вид восприятия автономен" на с.171, не совсем корректно, поскольку работа С.С. Кузнецовой выполнена не в рамках психолингвистического направления, а представляет собой добротное исследование в русле традиционного (в лучшем смысле этого слова) структурно-семантического языкознания и современного антропоцентрического подхода. А "редкость" сочетаемости разных модальностей, отмеченная автором дис-

сертации, может быть объяснена спецификой мировосприятия носителя национальной речевой культуры, мироотражение которого всегда отличается конкретностью (о чём свидетельствует наличие большого числа обозначений процессов восприятия) и образностью. Последнее (образность) предполагает индивидуально-специфическое выражение в языке и составляет своеобразие анализируемого фрагмента картины мира и диалектной языковой личности в целом; примеры в изобилии представлены на страницах работы (*Как струна стоит долгучий; <...> руки как грабли холодны были; Печенюшки принесли таки ... как подскрёблены- засу-ушены таки!* с. 95, 106, 139, 147, 151, 158, 162 и др.). Да и сама диссертант в 2.1.2. при анализе коннотативных компонентов значения глаголов восприятия, отмечая их постоянные связи с восприятием цвета, света и размера и "глаголами знания, мышления", указывает на это, квалифицируя совершенно справедливо эти связи как специфику данной языковой личности (с.59).

Положения 5 и 6 (о стратегиях обозначения перцептивных процессов и признаков, характер которых составляет своеобразие перцептивной картины мира, об иерархии модальностей в лексиконе языковой личности) подробно анализируются в каждой из исследовательских глав. Диссертант на конкретных примерах показывает, чем обусловлен выбор стратегий респондентом, совершенно справедливо выделяя на фоне общеязыковых закономерностей индивидуальные и культурно обусловленные (с опорой на эталон или стереотип).

Достоверность результатов исследования обеспечивается репрезентативной выборкой языкового материала (1000 единиц и более 8000 высказываний), а также оптимальной формой его представления. Имеем в виду рисунки-диаграммы, но прежде всего содержание 2-х приложений, в которые вошла вся информация, необходимая в качестве обоснования промежуточных и общих выводов. Особенно хотелось бы выделить Приложение Б, где приводятся данные о количестве единиц описания по типам восприятия и количестве словоупотреблений в контекстах, а также число единиц и суммар-

ная частотность обозначений, относящихся к разным модальностям восприятия. Другой фактор достоверности – методология, которая сочетает имеющийся методический арсенал с научной эвристикой, подкрепленной основательным фундаментом из работ предшественников. Научную базу составил обширный список источников (334!) как отечественных учёных, так и зарубежных коллег. К сожалению, в списке литературы не нашла работ историков языка: труды В.В. Колесова – серия книг "Мир человека в слове Древней Руси", М. Вас. Пименовой – кандидатская и докторская диссертации по обсуждаемой проблематике "Семантика цветообозначений по памятникам древней литературы (на материале травников, лечебников, иконописных подлинников)", 1987, "Эстетическая оценка в древнерусском тексте", 2000) и др., исследующих в историческом аспекте с выявлением семантической доминанты и исторически сложившихся со-значений, например, цветообозначение *белого* ещё в древнерусском языке актуализируется как '*светлый*, светящийся по-прозрачному, чистый' [В.В. Колесов "Мир человек в слове Древней Руси", 1986, с.221-222], а интенсивность передаётся с помощью редупликации [там же, и др.]; ср.: в работе на с.62 о выборе способа "Этот способ, очевидно, является самым простым и предпочтительным...", а на самом деле это сохранение в диалектах древнерусской семантики; из примеров на с. 74 видно, что и блеск в цвете передаётся так же, как в древности, *си-вый* и *си-ний* восходят к одному корню, значение которого сохранил глагол *си-ять*, пример из работы: *Сивка – сивый, я знаю, что сивый. Сивый – такой как вроде бы серый, сбела он так, – т.е. светится белым, отсвечивает.*

Отмечая достаточно высокий научный уровень исследования, выскажем некоторые замечания дискуссионного характера.

Употребление термина лексико-семантический вариант (ЛСВ) при классификации микрополей синонимично с лексической единицей не представляется общепринятым (с. 72, 83, 96 и др.). Из контекстов и комментариев понятно, что речь идёт о словоупотреблении, а не о варьировании семантики, например, о сером цвете сказано, что для него используется 8 ЛСВ: *Она сера,*

как замазка; *Шапка серенька кроличья, ешо украдут* и *У меня есь бела – она не бела, ...така, как ссера!* Или: "В микрополе зелёный входит 8 ЛСВ" (с.70) – и перечислены однокорневые образования *зелёньки, впрозелень, сзелена, зеленью, зеленёхонько*, которые вряд ли можно назвать вариантами, это самостоятельные лексемы с общей семьей, различающиеся оттенками (от *светлого*, исконного для корня значения до более тёмного) в семантике в зависимости от ближнего контекста. Замечание не является критическим и приводится как констатация возможной тенденции в употреблении терминов.

Положительно оценивая авторскую интерпретацию большого массива примеров, хотелось бы обратить внимание на некоторые неоднозначные толкования. Так, в группу с общим значением 'светловолосый, со светлой кожей' включены следующие контексты с корнем *сед-ой*: *Седёхонький этот, старичонка-то* (о цвете или возрасте идёт речь? Светловолосый ли?); *Волосья седы, да страшны да* (есть ли здесь собственно указание только на цвет? Скорее возраст и отгалкивающий внешний вид). В микрополе *красного цвета* есть пример *Ну ягода-от было красно, гыт, брусники да клюквы, да черники...*, который, как кажется, не собственно цвет здесь передаёт, а богатый урожай, речь идёт о большом количестве и одновременно качестве "товара". Желательно видеть к таким высказываниям комментарий, поскольку подобные контексты выявляют специфику диалектной картины мира и отличают диалектную языковую личность, что входило и в задачи исследования (пункт 5, с.11).

Уточняющие частные вопросы: 1. Что касается методик исследования, то хотелось бы уточнить, на самом ли деле есть особый метод при анализе языковой личности, её перцептивного лексикона в частности, который декларируется как "оригинальная методика" (с.13), включающая "лингвоперсонологический и когнитивный подход"? Можно ли назвать его особым лингвоперсонологическим методом? На с. 29 и др. сказано, что при реконструкции языковой личности используется метод семантического поля, контекстный анализ оценочных суждений, т.е. методы общие, о которых было заявлено

но во введении и в 1.1.3. и которые успешно применялись автором диссертации на протяжении всего исследования при реконструкции фрагмента перцептивной картины мира диалектоносителя.

2. Второй вопрос касается терминов "ментальный компонент" и "культурный компонент" семантики перцептивов. Как Вы разграничиваете эти понятия? И можно ли их разграничить? Ведь культура, безусловно, часть ментальности. Существует множество определений русской ментальности, и все они включают свойства традиционной культуры, духовность, волевые качества национального характера и др. (См. В.В. Колесов "Язык и ментальность", 2004; З.Д.Попова, И.А. Стернин "Когнитивная лингвистика", 2007; В.Н. Телия "Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспект", 1996 и др.). И ещё: на с. 33 говорится о символическом компоненте значения, который связывается с "культурным кодом" и "культурной традицией". Как его отличить от культурного компонента? И есть ли различия?

Вопросы и замечания вызваны интересом к работе и не оказывают влияния на общую высокую оценку диссертации. Результаты проведенного исследования прошли необходимую апробацию. 15 публикаций по теме диссертации (в том числе 3 статьи, опубликованные в научных изданиях, включённых в реестр Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ), а также выступления на 13 конференциях и форумах в полной мере отражают концепцию работы и выносимые на защиту положения. Автореферат диссертации адекватно представляет её содержание.

Итак, диссертация *«Вербализация чувственного восприятия как отражение перцептивной картины мира диалектной языковой личности»* представляет собой самостоятельное, завершённое научно-квалификационное исследование, в котором содержится решение задачи, имеющей существенное значение для филологии, и соответствует критериям, установленным п. 9-11 действующего Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сен-

тября 2013 г. № 842, а её автор Кузнецова Светлана Сергеевна заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык.

Официальный оппонент –
кандидат филологических наук
по специальности 10.02.01 – русский язык, доцент,
доцент кафедры русского языка,
славянского и классического языкознания
ФГБОУ ВПО «Омский государственный
университет им. Ф.М. Достоевского»

Харламова Марина Александровна

Почтовый адрес: 644077, Омск, пр. Мира, 55, каб. 218; факс: 8(3812)229815;
телефон: 8(3812)229820; e-mail: khr-spb@mail.ru

*Подпись Харламовой М.А.
заверяю
Проректор по НР
С.В.Белкин /*

